

патриарха». Инициатором этого избрания был киевский князь Изяслав Мстиславич, целью его — укрепление киевского авторитета, а в числе непогих противников разрыва с Константинополем оказался Нифонт, занявший тем самым пропатриаршую, но антикиевскую позицию. Ничего неожиданного в такой ситуации, поскольку именно при нем, сопровождаясь все возрастающим авторитетом владыки, происходят важнейшие антикняжеские преобразования в Новгороде, логически завершившиеся уже после его смерти вочевым избранием на новгородскую кафедру Аркадия, т. е. фактическим провозглашением независимости Новгорода от Киева в организации столь сложного дела, каким было замещение епископской кафедры.

Иными словами, Ивана Поньяна погубило то, что его антикиевская позиция была дополнена и стремлением к независимости от патриархии, что делало его фигуру слишком опасной для Новгорода в переломный период княжения Всеволода Мстиславича. В истории церкви он по существу стал в один ряд с Климом Смолятичем. Имя последнего отсутствует в списках митрополитов. Имя Ивана Поньяна в списках новгородских владык имеется, но с пометкой «сега не поминают». Это «непоминание», несомненно, и вызвало редакторскую цензуру летописи, в которой именем Ивана Поньяна обозначены лишь хронологические рамки его деятельности, но не сама деятельность.

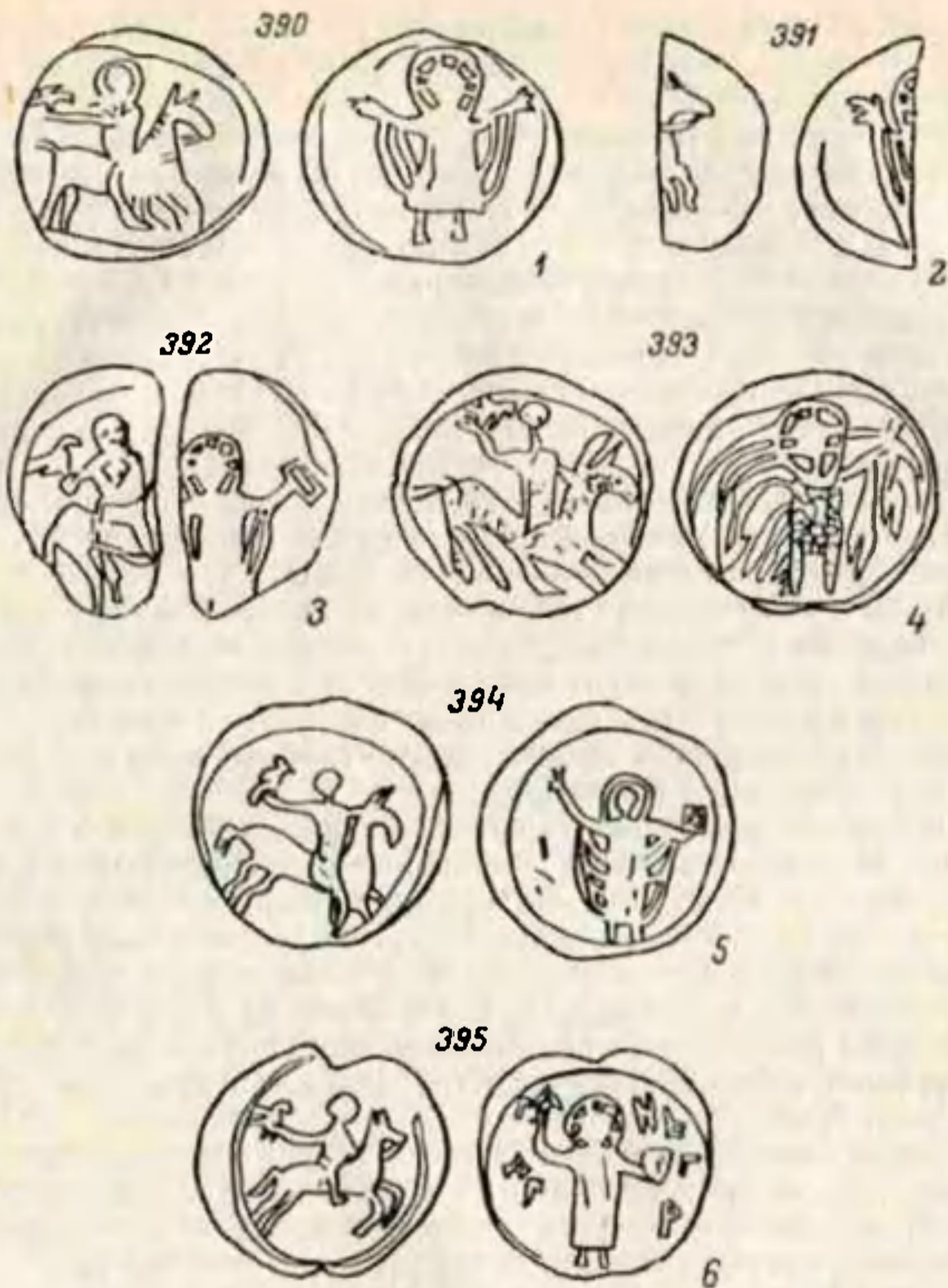
Остается сказать несколько слов о позиции Антония Римлянина. Формула его завещания «не приях и пмення ото князя ни от епискупа, но токмо благословение от Никиты епискупа», отмененная в 1131 г. посвящением его в игумены от епископа Нифонта, свидетельствует о его подчеркнутом нейтралитете в антикиевской борьбе эпохи Всеволода Мстиславича. Антоний противоположен и епископу Ивану, и князю Всеволоду, но он переходит на сторону епископа, когда вопрос об отношении к патриархии был снят с повестки дня.

В. А. БУРОВ

О ПЕЧАТЯХ НОВГОРОДСКОГО КНЯЗЯ АНДРЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

Среди древнерусских печатей рубежа XIII—XIV вв. выделяется группа булл князя Андрея Александровича, сына Александра Невского, который находился на новгородском княжении дважды: в 1281—1284 и в 1294—1304 гг.¹

¹ Новгородская первая летопись. М.—Л., 1950 (далее — НПЛ), с. 324—325, 327—332.

Печати новгородского князя Андрея Александровича.

1—4 — с изображением сокольника и Вседержителя; 5—6 — с изображением сокольника и св. Андрея.

Все буллы этого князя объединяет светское изображение сокольника, чей прототип Н. П. Лихачев нашёл на мужских и женских печатях в западноевропейской сфрагистике.¹ Изображения оборотных сторон печатей Андрей различают по сюжету: на зафиксированных В. Л. Яниным на 1969 г. 11 экз. булл князя Андрея

¹ Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. Л., 1928, с. 48—50.

8 акз. несут изображение Вседержителя (№ 390—393; см. рисунок, 1—4), а на остальных трех изображен св. Андрей (№ 394, 395; см. рисунок, 5—6).³

Исследователи уже обратили внимание на двойственность сюжета печатей Андрея Александровича. В. Л. Янин при их атрибуции проявляет даже некоторое сомнение, принадлежали ли буллы с образом Вседержителя этому князю. Но поскольку на печатях Андрея всегда присутствует изображение сокольника, причем изображение Вседержителя и св. Андрея равно несут печати, сохранившиеся при двух грамотах 1301 и 1302 гг., исходящие от самого князя Андрея Александровича,⁴ то В. Л. Янин и причисляет все буллы с сокольником данному князю.⁵ Двойственность сюжета исследователь объясняет тем, что на протяжении XIII в. идет процесс расплывания типа печати, отхода от привычного шаблона, согласно которому на обеих сторонах буллы должны присутствовать изображения святых — патронов князя и его отца.⁶

Вместе с тем история сфрагистики на многочисленных примерах убедительно доказывает, что отклонения от установленных традиций в оформлении булл часто имеют политическую подоснову. Видимо, и причину появления двойного сюжета на печатях князя Андрея Александровича нужно искать в характере его княжения. Для этого обратимся к летописи.

Уже из истории первого периода княжения Андрея в 1281—1284 гг. становится известно, что данный князь длительное время отсутствовал в Новгороде. Не успели новгородцы посадить его на стол, как он «спиде из Новгорода... в Володимиръ». Появился Андрей Александрович в Новгородской земле только спустя три года, но ненадолго. Он приехал в Торжок (а не в сам Новгород), где целовал крест новгородцам, а новгородцы ему обещали не призывать иного князя. Андрей ушел «на Пиз» и там отдал новгородский стол брату Дмитрию.⁷

Больше сведений летопись донесла о втором периоде княжения Андрея Александровича. Заняв стол в 1294 г., он снова недолго пробыл в Новгороде, затем совершил поход с новгородцами на Торжок, откуда ушел в Низовскую землю.⁸ Новое появление Андрея на Волхове отнесется уже к 1301 г., когда он «спиде... с полки незовскими», чтобы отправиться в военный поход против города Венец земли, воздвигнутого шведами год назад в устье Невы. Под стягами суздальских полков новгородцы и ладожане одержали важную для них победу: ⁹ шведский город, который вие-

³ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. 2. М., 1970, с. 161, 257, табл. 3, № 390—395.

⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949 (далее — ГВНиП). № 34 и 35.

⁵ Янин В. Л. Актовые печати... т. 2, с. 14—15, 22—24.

⁶ Там же, с. 34—38.

⁷ НПЛ, с. 324—325.

⁸ Там же, с. 328.

⁹ Там же, с. 331.

зависо с 1300 г. стал угрозой для нормальной торговой жизни Новгорода, был уничтожен. В 1302 г. «иопде князь великий Андрей в Татары», а спустя два года летописец отметил: «Преставился князь великий Андрей Александрович, внукъ великаго Ярослава, мѣсяца июля 27 . . . положень бысть на Городици».¹⁰

Во время многолетнего отсутствия в Новгороде князя Андрей стал занимал наместник — сын Борис Андреевич. Он упоминает в летописном отрывке 1299 г. о возведении на сени вновь избранного владыки Феоктиста: «и созвоившие вече у святей Софѣя, князь Борисъ Андреевич съ всеми новгородци введоша его (Феоктиста, — В. Б.) с поклономъ Феоктиста и посадиша въ владычне дворе. . .».¹¹ В. Л. Янин, обращая внимание на это сообщение, отмечает, что вряд ли можно сомневаться в том, что Борис Андреевич был наместником великого князя Андрея.¹²

Таким образом, выясняется, что князь Андрей Александрович сам не сидел в Новгороде, а держал там своего наместника — сына Бориса. Этот факт невольно наводит на мысль, что двойственность сюжета интересующих нас булл объясняется тем, что один тип печатей использовал сам князь Андрей, а другой — князь Борис.¹³ Так как число булл с изображением Вседержителя явно преобладает (8 экз.), то мы вправе отнести их наместнику Борису: он замещал в Новгороде отца долгие годы. Следовательно, оставшиеся 3 экз. относятся к коротким пребываниям в Новгороде самого великого князя.¹⁴ Возможность проверить наше предположение предоставляет благоприятный, можно сказать исключительный, случай.

Как уже отмечалось, две печати с изображением сокольника — Вседержителя (№ 393) и сокольника — св. Андрея (№ 394) дошли до нашего времени при грамотах 1301—1302 гг. Эти документы могли быть скреплены как наместником, так и самим великим князем, если последний пребывал в Новгороде. Для нас важно в настоящий момент установить, какой акт скреплял самолично князь Андрей, а какой — его сын, наместник Борис.

Обратимся сначала к грамоте Новгорода советникам датского короля в Колывани о полномочиях новгородских послов. Она датируется 1302 г. на основании летописного известия: «Того же лета послаша послове за море в Дольскую землю, привозоша миръ доконцаше».¹⁵ К документу приложена печать с изображением

¹⁰ Там же, с. 331—332.

¹¹ Там же, с. 330.

¹² Янин В. Л. Актовые печати. . . , т. 2, с. 40.

¹³ Н. П. Лихачев о печати с изображением сокольника и Вседержителя пишет, что она несомненно княжеская (или от имени князя). См.: Лихачев Н. П. Материалы. . . , с. 47.

¹⁴ Правомерность применения подобного статистического метода для сфрагистического материала обоснована в работе В. Л. Янина «Актовые печати Древней Руси X—XV вв.», т. 1—2.

¹⁵ НПЛ, с. 331; ГВШП, № 35.

св. Андрея, или, как мы предположили, печать самого Андрея Александровича. Но находился ли он в Новгороде в 1302 г., когда послы отправились к датскому королю, получив грамоту, скрепленную печатями от имени князя, посадника и тысяцкого? Ответ на этот вопрос дает летопись. Под 1302 г. читаем: «Заложиша город камень Новуграду. Того же лета заложиха церковь камени святого Бориса и Глеба, коя бо порушилася. Того же лета послаша послове за море в Довьскую землю, привезоша миръ доконцавше. Того же лета поиде князь великий Андрей в Татары. Того же лета свершиша церковь святого Михаила на Михайлове улице».¹⁶ Несомненно, летописец фиксирует события в их последовательности. В противном случае он сгруппировал бы все известия о церковном строительстве вместе, а не поместил бы в самом конце запись о завершении постройки церкви св. Михаила. Опраясь на данный летописный отрывок, мы имеем право с полной уверенностью утверждать, что Андрей «поиде в Татары» после того, как были посланы в Данию для переговоров представители Новгорода и была получена ответная грамота 1302 г. Следовательно, Андрей Александрович находился в Новгороде в момент отправки послов и сам скрепил грамоту советникам датского короля, т. е. печать № 394, несущая изображение сокольника и св. Андрея Критского, является княжеской и принадлежит самому князю Андрею. Остается лишь установить, являлась ли печать № 393 с сокольником и Вседержителем при акте 1301 г. буллой заместника Бориса. Для этого нам необходимо проанализировать текст договора 1301 г. Новгорода с Любском, Готским берегом и Ригой о предоставлении иностранным купцам сухопутного и водного путей: «От великого князя Андроя, от посадника Смена, от тысяцкого Машка, от всего Новгорода. Се приеха Иванъ Бельн изъ Любка, Адамъ съ Гочкого берега, Иичя Олчять изъ Ригы, от своеп братии от своихъ купечъ латиньского языка. И дяхомъ имъ 3 пути горьнии по своей волости, а четвертии в речках; гости охати бесъ пакости, на божиин руче, и на княжи, и на вьсего Новгорода. Оже будетъ не чистъ путь и речкахъ, князь велитъ своимъ мужемъ проводить сии гости, а вестъ имъ подати».¹⁷

Из текста грамоты следует, что она является ответом на приехавшее в Новгород представительство купечества Любека, Готского берега и Риги. Иностранные купцы, как можно видеть из акта, просили предоставить им сухопутные, внутренние пути. Просьба иностранного купечества была удовлетворена. Летопись весьма полно указывает на причину, вызвавшую организацию посольства купечества иностранных государств в Новгород: «... приидоша изъ заморья Свея в силе велице в Неву, приведоша мастера изъ своей земли, изъ великаго Рима от пани мастеръ приведоша нарочитъ, и поставиша город падь Невую на усть

¹⁶ НПЛ, с. 331.

¹⁷ ГВНИИ, с. 63—64, № 34.

Охты реки, и утвердиша твердостию несказанною, поставиша в немъ пороки, похвалившися окаппо, и varekoша его Вепецъ земли, бе бо с нимъ наместьянкъ королевъ, именовъ Маскалко; и посадивше в немъ мужи нарочитыя с воеводою Степемъ, и отъи-доша; князю великому Андрею не бывшию тогда в Новеграде». ¹⁸

Итак, причина посольства европейских купцов заключалась в том, что шведы поставили «надъ Невою» крепость, перекрыв тем самым торговую артерию, по которой шли караваны судов из Европы в Новгород и наоборот. Однако произошло это событие, согласно летописи, в 1300 г. Именно в 1300 г. «Вепецъ земли» (Ландскропа) был сооружен окончательно и стал выполнять свою антиновгородскую функцию. Поэтому мы не без основания можем предположить, что в 1300 г., когда в Новгороде не было великого князя, и появились купцы Любека, Готского берега и Риги с просьбой дать им «горный», т. е. сухоп., путь. Но имеются ли у нас другие основания для передатировки договора 1300 г.? Рассмотрим основные доводы даты 1301 г., которая утвердилась в нашей литературе.

В издании «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» под редакцией С. Н. Вазла договор Новгорода с Любеком, Готским берегом и Ригой датируется 1301 г. без объяснений, со ссылкой на позднюю дореволюционную публикацию. ¹⁹ Однако, если мы рассмотрим аргументы этой публикации, то они лишь подтвердят нашу мысль о том, что дата 1301 г. спорна.

Действительно, издатели договора отмечают, что для них решающим фактором при определении даты служит сообщение одного из документов, папишапого по-латыши. В нем говорится, что зимой 1300/1301 г. (или 1302 г.) Иоанн Альбус из Любека, Адам из Готланда и Генрих Хольсте из Риги прибыли в Новгород как послы. ²⁰ За основу датировки берется год, лежащий в интервале между моментом постройки Вепца земли (1300 г.) и временем его разрушения (1302 г.). Однако в новгородской летописи о взятии русскими войсками Вепца земли сообщается не под 1302 г., а под 1301 г. (май). ²¹ Поэтому прибытие послов с учетом поправки даты падения Ландскропы должно быть отнесено до мая 1301 г., скорее к 1300 г. Этот год называет список 'А Латвийского акта о посольстве Ивана Белого, Адама и Генриха Хольсте — Anno Domini MCCC. ²²

¹⁸ НПЛ, с. 330—331.

¹⁹ ГВНВП, с. 63.

²⁰ Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten, B. VI. Herausgegeben von Dr. Friedrich Georg von Bunge. Riga, 1871, S. 163—164.

²¹ НПЛ, с. 331.

²² Грамоты, касающиеся до сношении Северо-Западной России с Ригой и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV вв. Падены в Рижском архиве К. Э. Папперским и издапы Археографическою комиссиею. СПб., 1857, с. IX. — В списках В и С стоит дата 1301 г. На наш взгляд, она приемлема, так как не противоречит сообщению о прибытии послов зимой 1300/1301 г. — в Новгороде новый год начинался с 1 марта; зима приходится по новгородскому календарю как раз на 1300 г.

Таким образом, следует признать, что иностранные послы получили грамоту на право проезда по внутриновгородской территории имело в 1300 г. (или в самом начале 1301 г.). Под этой датой летописи особо оговорено отсутствие великого князя в Новгороде: «Князю великому Андрею не бывшу тогда в Новеграде».²³ Андрей Александрович пришел в Новгород только в мае 1301 г. с низовскими полками, он не мог самолично скрепить печатью грамоту для иностранных купцов. Сделать это мог его наместник Борис. Его буллу с изображением сокольника и Вседержителя мы отмечаем при договоре 1300 г.²⁴

Таким образом, в конце XIII—начале XIV в. наместник великого князя Андрей Александрович (в этой роли выступал его сын Борис) пользовался своей печатью, которая по манере оформления отличалась от личной великокняжеской буллы его отца.

Видимо, это было исключением из общего правила: В. Л. Янин предполагает, что княжеские наместники XIII—начала XIV в. не имели своей личной буллы, а прикладывали печати от имени официального новгородского князя.²⁵

Надеемся, что новые материалы сфрагистики дадут объяснение данному противоречию.

И. Э. КЛЕЙМЕНБЕРГ

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ВЫБОРА НОВЫХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

И АДАПТАЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ В РОССИИ X—XIX вв.

Имя человека, получаемое при рождении, всегда считалось и считается еще сегодня неотделимым от личности его носителя. Эту мысль образно выразил Гёте. В вольной передаче она гласит так: имя — это не часть одежды, которую можно легко сменить, оно скорее подобно коже человека, рана которую, наносит травму и ему самому.¹ Поэтому смена имени бывает всегда об-

²³ НПЛ, с. 330—331.

²⁴ Весьма интересно указание первого надателя этой грамоты Х. А. Шлецера на якобы существовавшую копию документа в архиве г. Любека, которая написана по-латыни и не скреплена печатьми. В этом документе упомянут русский князь Борхрам, которого Х. А. Шлецер, ссылаясь на то, что иностранцы часто вскалывают русские имена, отождествляет с Борисом Андреевичем — наместником великого князя. См.: Шлецер Х. А. Назначение двух совсем еще неизвестных и весьма достопамятных подлинников, на славянском языке писанных и относящихся до связи между Новгородскою республикою и Ганзою. — Вестник Европы, 1811, № 23—24, с. 205—206.

²⁵ Янин В. Л. 1) Актовые печати. . . . т. 2; 2) К вопросу о структуре княжеского аппарата в Новгороде на рубеже XIII—XIV вв. — Вспомогат. истор. дисципл. В. Л., 1973.

¹ Гёте И.-В. Из моей жизни. Поэзия и проза. М., 1969, с. 302—303.